

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 79

Сборник статей

**LEGAL ISSUES
OF STRENGTHENING RUSSIAN
STATEHOOD**

Vol. 79

Collection of papers

Томск

Издательский Дом Томского государственного университета

2018

А.Б. Диваев

НАЧАЛО НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: НАСЛЕДИЕ ПРОШЛОГО ИЛИ ГАРАНТИЯ СПРАВЕДЛИВОГО СУДА?

Статья посвящена важнейшему процессуальному положению – непосредственности судебного разбирательства, его значению как важнейшей гарантии справедливого правосудия по уголовному делу. В работе представлен краткий ретроспективный анализ научной мысли по данной проблеме, выявлены проблемы реализации непосредственности в современной форме судебного разбирательства уголовных дел, обосновано ее видение как гарантии состязательного судебного разбирательства и права подсудимого на защиту.

Ключевые слова: судебное разбирательство, непосредственность, особый порядок принятия судебного решения.

В настоящее время уголовно-процессуальный закон рассматривает непосредственность исключительно как общее условие судебного разбирательства, посвящая ему всего одну норму ст. 240 УПК РФ, согласно которой: «В судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию, за исключением случаев, предусмотренных разделом X настоящего Кодекса. Суд заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта, осматривает вещественные доказательства, оглашает протоколы и иные документы, производит другие судебные действия по исследованию доказательств».

Между тем в теории вопросам непосредственности в уголовном процессе в прошлом всегда уделялось самое пристальное внимание.

Так, Н.А. Терновский, член одного из окружных судов Российской империи, еще в 1901 г. писал: «Устность, или непосредственность, ускоряет процедуру производства, устраняет посредствующие элементы, излишних посредников, вторжение субъективных элементов, стоящих между судьей и исследуемым событием; она дает возможность суду, насколько то возможно, встретиться с преступлением лицом к лицу, проверить своими чувствами достоинства и недостатки уголовных доказательств, прочувствовать подлежащий его обсуди-

нию случай во всех его фактических отношениях, предохраняя суд от одного из главных заблуждений» [1. С. 2]. Удивительно точно и современно сказано.

Но это голос практики. А что же наука? И наука также вторила этому мнению. М.В. Духовской в своем курсе лекций по уголовному процессу рассматривал непосредственность исследования доказательств судьей как средство формирования внутреннего убеждения судьи по уголовному делу [2. С. 174]. Новый, пореформенный 1864 г. уголовный процесс, по мнению ученого, в силу требования непосредственности исследования доказательств судом «устранил влияние канцелярии и умалил значение следователя, переводя центр тяжести непосредственно на суд, решающий дело» [2. С. 174–175].

Придавали непосредственности едва ли не решающее значение в деятельности суда также Н.Н. Розин [3. С. 304], В. Случевский [4. С. 53] и многие другие авторы.

Обобщая, можно констатировать, что в дореволюционном уголовном процессе ценность непосредственности исследования доказательств судом не ставилась под сомнение, считалась одним из важнейших завоеваний того уголовного процесса, который сложился после реформ Александра II.

Ничего, по сути, не изменилось и в советский период развития уголовного процесса. Более того, некоторые авторы аргументированно относили непосредственность судебного разбирательства не к его условиям, а к принципам всего уголовного процесса в целом. Так, в частности, Т.Н. Добровольская прямо писала: «...было бы неверно думать, что требование непосредственного исследования доказательств, предшествующего их окончательной оценке, относится только к суду и притом лишь суду первой инстанции» [5. С. 172]. Рассматривалось начало непосредственности в уголовном процессе как принцип уголовного судопроизводства и В.Я. Лившицем, работа которого, изданная в 1949 г., так и называлась – «Принцип непосредственности в советском уголовном процессе», и М.С. Строговичем [6. С. 157–163], а в более поздний период – В.Д. Шундиком [7. С. 3–19] и многими другими учеными-процессуалистами.

Таким образом и советская наука уголовного процесса признавала незыблемость начала непосредственности в уголовном процессе, существенно расширив и дополнив дореволюционную доктрину.

Что же мы имеем в настоящее время? К сожалению, картина резко изменилась, и не в лучшую сторону. В настоящий момент мы наблюдаем отказ от традиционно сложившихся представлений о непосредственном исследовании доказательств судом как единственно верном средстве обеспечения законности и обоснованности приговора суда по уголовному делу. Происходит это как в законодательной и правоприменительной, так и в научной сферах.

На ослабление интереса к проблеме непосредственности в уголовном процессе обращал внимание еще М.К. Свиридов, который упоминал о том, что этот принцип «почти исчез из научных работ», и если какие-то авторы о нем еще и упоминают, то исключительно в контексте состязательности [8. С. 175].

Усиливает общую тенденцию и законодатель. В свое время, вводя в действие институт особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, который предусмотрен гл. 40 раздела X УПК РФ и является прямым исключением из условия непосредственности судебного разбирательства, так как не предусматривает непосредственного исследования доказательств, думается, он и не представлял, какого «джина выпускает из кувшина». Очевидно, что помыслы его были сугубо рациональны: ускорение и удешевление производства, максимальная эффективизация процессуальной формы рассмотрения уголовных дел. Однако, как говорить, процесс «вышел из под контроля». Весьма спорное, а зачастую и мало обоснованное расширение границ применения особого порядка принятия судебного решения, предусмотренного гл. 40 УПК РФ, привело к тому, что этот особый порядок впору признавать общим.

В подтверждение данного тезиса можно привести ряд цифр. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2016 г. в особом порядке, т.е. без непосредственного исследования доказательств, судом рассмотрено 633 777 уголовных дел, что составляет более 65% от общего количества уголовных дел (963 930 дел), рассмотренных судами общей юрисдикции по первой инстанции. Немногим отличается и статистика первого полугодия 2017 г. – 62%. По сути, из года в год 2/3 судебных решений, выносимых судами по уголовным делам, выносятся без непосредственного исследования доказательств судом по материалам, собранным следователями и дознавателями и представленным в суд стороной обвинения. Как тут не вспомнить М.В. Духовского, который, в вышеприведенной цитате,

ратовал за устранение значения «следователя и канцелярии» при разрешении уголовных дел и перенос центра тяжести в этом на суд. Так вот, в наше время все достижения российского (и дореволюционного, и советского) уголовного процесса перечеркнуты. Не побоимся сказать – в настоящее время наш уголовный процесс, реально осуществляемый по большинству уголовных дел, по существу, стал неотличим от российского дореформенного порядка начала – середины XIX в., что никак приветствовать нельзя. Речь здесь идет, конечно, не о самом порядке производства, последовательности процессуальных действий или характере принимаемых решений. Нет. Здесь имеется в виду сама сущность производства, когда определяющей для итогов производства по уголовному делу вновь стала деятельность органов уголовного преследования, а не суда. И произошло это именно в связи с повсеместным отказом от непосредственного исследования доказательств.

Исключение непосредственности из уголовного процесса сразу влечет за собой целый шлейф негативных для уголовного процесса последствий. Так, например, в отсутствии непосредственности вряд ли можно говорить о возможности соблюдения признанных международным сообществом критериев справедливого судебного разбирательства. Этот вывод следует хотя бы из того, что в отсутствии непосредственного исследования доказательств судом весьма проблематично обеспечить гарантированную п.п. «е» п. 3 ст. 14 Пакта о гражданских и политических правах и п.п. «d» п. 3 ст. 6 «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» возможность каждого обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей, ходатайствовать об их допросе, а также вызвать для допроса свидетелей, показывающих в его пользу, на тех же условиях, что и свидетелей, показывающих против него. Ничего этого в отсутствии непосредственного исследования доказательств осуществить нельзя. И весьма слабыми кажутся имеющиеся по данному поводу возражения о том, что, соглашаясь с обвинением и ходатайствуя об особом порядке, обвиняемый якобы добровольно отказывается от этого права. Здесь нужно понимать, что государство обязано гарантировать обвиняемому определенные минимальные стандарты справедливого правосудия, отказ от которых невозможен ни при каких условиях. Ставить соблюдение этих стандартов от воли и желания кого-либо, значит сознательно создавать предпосылки для нарушения прав и свобод граждан.

Нельзя рассматривать особый порядок судебного разбирательства, производимый по ходатайству обвиняемого, и как проявление состязательности: якобы в состязательном процессе стороны сами вольны определять границы использования своих прав, а поэтому, ходатайствуя об особом порядке принятия судебного решения, обвиняемый и сторона защиты, в целом, всего лишь распоряжаются своими правами, что полностью соответствует состязательной модели процесса. Но это тоже не так. Наоборот, судебное состязание сторон немислимо вне непосредственного исследования доказательств судом. Без него судебное разбирательство приобретает все черты розыскного процесса, когда подсудимый является не субъектом, а «объектом» судебной деятельности. Следовательно, и отказ от непосредственного исследования доказательств это одновременно и отказ от состязания, предоставление суду права принять решение в «одностороннем» порядке.

Ряд «претензий» к современному уголовному процессу можно было бы и продолжить. Однако сказанного уже достаточно для того, чтобы констатировать: непосредственность судебного разбирательства это не пережиток прошлого, от которого следует если не избавляться, то минимизировать его использование. Это важнейшая гарантия справедливого и истинно состязательного суда по уголовному делу.

При этом данный вывод вовсе не означает призыв к законодателю отказаться от дальнейшего поиска оптимальной и наиболее экономной формы производства по уголовному делу. Однако, думается, поиски эти необходимо сосредоточить на досудебной части производства, предоставив возможность суду полноценно рассматривать и разрешать уголовные дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юридические основания к суждению о силе доказательств и мысли из речей Председательствующего по уголовным делам : Пособие для юристов-практиков и присяжных заседателей / сост. Н.А. Терновский. Тула : Типография Влад. Ник. Соколова, 1901. 200 с.
2. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М. : Университетская типография. Страстной бульвар, 1902. 492 с.
3. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. СПб. : Издание юридического книжного склада «Право», 1914. 546 с.
4. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1913. 659 с.

5. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. М. : Юрид. лит., 1971. 200 с.
6. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. 470 с. Т. 1.
7. Шундигов В.Д. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1974. 19 с.
8. Свиридов М.К. Непосредственность исследования доказательств в судебном разбирательстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск : Изд. Том. гос. ун-та, 2010. Ч. 47. С. 175–176.

THE IMMEDIACY PRINCIPLE IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIA

Aleksandr B. Divaev, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: divalex09@mail.ru

Keywords: litigation, immediacy, special procedure for making court decision.

DOI: 10.17223/9785946217637/5

The aim of this paper was to study the issue of the development of scientific ideas on the immediacy principle in the criminal procedure and the current state of science on this issue, and to justify a conclusion that the immediacy of examination of evidence by the court is an essential quality of a fair trial of criminal cases.

The method of analyzing scientific literature and normative material, historical, logical, comparative-legal and systemic methods of studying the criminal procedure category of immediacy of the trial were applied. Scientific literature of the pre-revolutionary, Soviet and modern periods, regulations, as well as official statistics published on the website of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation (<http://www.cdep.ru/>) were used.

According to the results of the study, the following conclusions were made. Firstly, the modern development stage of the criminal procedure science is characterized by a weaker interest in the issue of the essence of immediacy in the criminal procedure. It is caused not only by purely cognitive reasons. In many ways, this attitude to the issue of immediacy is associated with the development trends of modern criminal procedure laws, aimed at further differentiation and simplification of the criminal procedure form. Unfortunately, the tendency to simplify the procedural form, first of all, concerns court trials of criminal case, which cannot be thought positive.

Secondly, as statistics show, law enforcement practice consistently abandons the general procedure for examining evidence in court trials: up to 2/3 of all criminal cases are currently considered according to a special procedure, i.e. without an actual evidence examination.

Thirdly, the current situation does not meet the standards of a fair trial. It does not ensure the rights and freedoms of the person involved in the criminal proceedings, the right of the accused to defense, and the adversariality criteria.

The way out of the current situation is seen in the introduction of a system of measures; single measures will hardly change the existing tendency. The cornerstone of

this system of measures is a return to the traditional decades-long order of the trial characterized by immediate examination of evidence. This does not mean a refusal from further development of the criminal procedure form. This development should be conceptually different. The emphasis in reforming and, consequently, in increasing its effectiveness should be shifted to the pre-trial part of criminal case proceedings.

REFERENCES

1. Ternovskiy, N.A. (1901) *Yuridicheskie osnovaniya k suzhdeniyu o sile dokazatel'stv i mysli iz rechey Predsedatel'stvuyushchego po ugovolnym delam. Posobie dlya yuristov – praktikov i prisvyaznykh zasedateley* [Legal grounds for judging the strength of evidence and thoughts from the speeches of the Presiding Officer in criminal matters. A Handbook for Practitioners and Jurors]. Tula: V.N. Sokolov.
2. Dukhovskoy, M.V. (1902) *Russkiy ugovolnyy protsess* [Russian Criminal Process]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
3. Rozin, N.N. (1914) *Ugovolnoe sudoproizvodstvo* [Criminal Proceedings]. St. Petersburg: Izdanie yuridicheskogo knizhnogo sklada "Pravo".
4. Slucheviskiy, V. (1913) *Uchebnik russkogo ugovolnogo protsessa* [Russian Criminal Procedure]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
5. Dobrovolskaya, T.N. (1971) *Printsipy sovetskogo ugovolnogo protsessa* [Principles of the Soviet Criminal Process]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
6. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugovolnogo protsessa* [Soviet Criminal Process]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
7. Shundikov, V.D. (1974) *Printsip neposredstvennosti v sovetskom ugovolnom protsesse* [The principle of immediacy in the Soviet criminal process]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
8. Sviridov, M.K. (2010) *Neposredstvennost' issledovaniya dokazatel'stv v sudebnom razbiratel'stve* [The directness of the study of evidence in court proceedings]. In: Eliseev, S.A. et al. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening the Russian Statehood]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 175–176.